

Два сына

I

уж помер, двух деток мне оставил, двух сыновей. Нужно мне работать, нужно своих деток кормить. Не справлюсь одна. То продала, то продала — все попродавала. Тяжко нам, беднякам, свое добро отдавать, кровью нажитое! А отдала... все вожусь, с ночи до ночи горе мыкаю. Нет времени как следует и деточками-то утешиться... А детки растут, уже и выются вокруг меня, и щебечут.

II

Был мой Андрийко полнолицый, светлоглазый, кудрявый; веселый был мальчик, шустрый. Бывало за день изрядно мне своими шалостями надоест, но больше, пожалуй, что и развлечет. И пожурю его бывало и поцелую. Был он старшенький.

А уж Василько — тихий такой, смиренный: и в хате его не слышать и во дворе не видать. Был он с малых лет какой-то задумчивый: оттого ли, что в такую тяжкую пору родился, вскоре после смерти моего мужа, или уж такую природой наделил его господь.

Андрийко все село обежит — вернется румяный,

смеясь и играючи; а этот, гляди, день-деньской где-нибудь возле хаты просидит: песочек пересыпает или разные травы выскивает; все над чем-нибудь копаются, то червячка найдет или мотылька поймает — разглядывает, думает... Окликнет его Андрий — он так и вздрогнет весь. А то бывало ляжет в саду и целехонький день пролежит неподвижно, словно к чему-то прислушиваясь.

— Ты о чем это, сынок, задумался? — спрашиваю.

— Ох, мама, как же мир этот велик!

Был он еще мальчонкой, совсем малышом, а уже все травы знал: и как зовется, и где и когда цветет и каким цветом, и когда птицы в теплые края улетают, и когда возвращаются оттуда — все это знал он.

— Это ему так бог дал, — говорят мне порою люди. — Не попрекайте его, это уж так от бога!

III

Вот бывало долгими осенними вечерами, когда я совсем от работы измаюсь, возьму я их обоих к себе на колени и начинаю уму-разуму учить: как умею, так и наставляю. Рассказываю им о том да о сем — беседую с ними, толкую. Тут мой Андрийко вскоре и заскучает, так весь и томится. Глаза себе трет, и зевает, и вздыхает. «Пустите уж меня, мама!» — просится он. А отпустишь его — чего только не придумает! И шумит и балуется, пока его сон не возьмет. А Василько готов всю ночь долгую со мной просидеть, меня слушая да в глаза пристально глядячи. Уснем мы. Ночью проснешься — не спит Василько мой.

— Василько, ты чего не спишь?

— Так... не хочется! Отчего это, мама, ночь темная-непроглядная?

— Да уж так, дитятко, бог дал, что ночью темно... Спи, — говорю ему, — спи!

Он и умолкнет... Только долго еще потом беспокойно ворочается.

Бывало как засветит в оконце месяц, глядит Василько, глаз не сводя. А я от людей слышала, что нехорошо, когда месяц на сонных детей светит, — укрою их бывало и наказываю Васильку: «Не гляди, Василечек, на ме-

сяц — негоже так!» Он и вздохнет... Редко-редко выпадет такая ночь, чтоб он спокойно уснул, а то или вовсе не спит, или сны ему тревожные снятся.

Андрийко, тот не такой. Уже заря занялась, вот и солнышко взошло, а он спит себе крепким сном, разметался, разгорелся... Как с вечера трудно его упросить лечь спать, так и утром не поднять. А проснулся он, мой шалунишка, — и от звонкого его голоса аж столбы в хате дрожат. И ну бегать, шуметь, куролесить, так все ходуном и пойдет! А сам такой радостный, милый, веселый! И хоть жалко не жалко, а приходится его унимать, и пригрозишь бывало ему, и прикрикнешь на него...

Василько хоть и младшенький, а старшего брата наставляет. Андрийко был горяч и вспыльчив, как порох, — раза три на день, а то и больше на улице с ребятами повздорит, а то и подерется из-за какого-нибудь пустяка.

— Андрийко, — скажет тогда Василь, — ты что это так невесел?

— Да подрался, вот что!

— Вот видишь, Андрийко, за твои шалости тебе и досталось; а не задирали бы никого, так и не тужил бы теперь и не было б тебе стыдно, что тебя побили!

А Андрийко ему свое:

— А так сидеть скучно!

И снова шмыгнет из хаты — только его и видели!..

Тихий был Василько, рассудительный. И кто его ум-разуму наставлял, бог его знает! Пойдет там или не пойдет к товарищу, ан уже и вернулся, дома уже: не засидится нигде, не заиграется. Так и вырос он наедине с самим собой. Не разговорчив был, не смешлив. И в кого он такой удался!

Андрийко, тот всех дивчат на селе знает. И по хозяйству управляется, работает на совесть, а уж часок себе на гулянку с парубками урвет! А этот если взялся за что-нибудь — и глаз не оторвет и ни о чем другом не думает, вся душа его в работе.

IV

Дети мои, дети мои!

Прошел у нас слух — рекрутчина в нынешнем году будет. Как услышала я, так холодом меня и обдало. По-

глядела я на своих парубков — какие ж они пригожие да молодые, боже мой милостивый!

Однажды утром — не дай бог никому такого пережить! — сказали мне, что черед идти в рекруты Андрийку.

Собираю последнее, снаряжаю его... Каково же свое дитя провожать на беду да на горе! Кто того не знает, пусть меня спросит!.. А Андрийко на моих глазах уже увял. Где его взор молодецкий, где улыбка веселая!

Мне ли о том рассказывать, ведь не одна старая мать сыну сердце слезами измаяла! Плакали и молодые очи по нем, по красоте его ненаглядной. Как любо он бывало песни распевает ясными вечерами! Голос его по всему селу разливается. Вот и напел он себе песнями дивчину, милую да хорошую. Летней порою, тихими и теплыми ночами лежу я бывало долго без сна — думаю да горюю и слышу иной раз их беседу тихую да милую... Ждала я невесточку, словно ласточку, себе в утешение. Ушла надежда моя вслед за рекрутами!..

V

Велено в среду после обеда везти новобранцев в город. Сижу я и жду того часа, как вдруг вбегает мой Василько, запыхавшийся, бледный, а за ним двое людей в хату.

— Матушка! Снаряжайте обоих — пан велел и Василя забрать!

Я не верю им.

— Не бывать этому! — отвечаю им. — Пан тоже ведь человек!

— Нет, мама, — говорит Василь, — так оно на самом деле и есть, как тебе сказано...

И все меня утешают-уговаривают, а у меня сердце точно замерло, и слышу я, что говорят, и вижу их, а до сердца ничего не доходит.

VI

Выезжали три тройки. Всё новобранцы. За ними едут родные, провожают. Села и я меж своими сыновьями, еду. Мелькает дорога, пробегают перелески, поля перед глазами...

И так со мной случилось, будто дите я малое: не понимаю ничего, не знаю, не помню. Только как гляну на детей, страшно становится.

Подъехали мы к присутствию, повели их, а мы стоим, ждем. Меня вроде ко сну клонит, но будят меня — кто плачем, кто рыданьем. Первыми моих вывели. Господи боже мой! Ты ж у нас великий, ты ж милосердный! Лучше бы я их в землю схоронила обоих!..

VII

Привели меня в какую-то темную избу — не то землянка, не то подвал или что оно такое, уж не скажу. Какой-то солдат сидит: головастый, растрепанный, неумытый, весь щетиной оброс, как еж. Это их старший дядька, оказывается.

Кланяюсь, прошу:

— Не оставьте, добродию, вашу милостью и моих сыновей!

Даю ему, что собрала, деньжат и полотна да на деток кое-что...

— Не тужи, старушка! — прохрипел дядька. — Ваши сынки маленько поскучают, ведь без того нельзя на свете, а там стерпится-слубится, выйдут молодцами, вот как и я, к примеру! сказать!

Поглядела я на него тут попристальной: багровый, весь распухший какой-то, взгляд тусклый... Боже ты мой! А сыны мои, голуби мои сизые! Теперь душа их святая, и взор их ясный, и лица их милые цветком зацветают!..

VIII

Попрощались мы. Проводили меня дети за город...

Вот еще и теперь, как выдастся летом знойный денек, так и вспомню прощанье наше: идем мы по городу... дома все заперты, окна везде позакрыты; вдали за мостом темный сосновый бор заслонил песчаную дорогу; медленно движется перед глазами скрипучий воз по песку, жгучее солнце на небе...

IX

Осталась я одна-одинешенька, неможется мне. Ни сна мне, ни отдыха. Работаю через силу, ничего не смыслю, не слышу...

Проходит год, и второй, и пятый...

Словно черная туча обступила меня, только и светят мне, как две звездочки во тьме ночной, дети мои милые.

Прошло рождество, сижу я как-то вечером; время уж позднее, спать пора, а пряду. На дворе метелица — так в окна и бьет, и огонь мигает...

Вдруг — стук-стук! Отворяю — Василь!

— Василечек, сынок мой! А Андрийко где же?

— Нет уж, мама, Андрия! Лег, мама, Андрий и никогда уж не встанет!..

А я будто чуяла: каждый день, каждую ночь его перед богом оплакивала... А жить бы такому да жить! И ростом, и силою, и лицом в отца он пошел: вот за отцом на тот свет и поспешил!..

X

— И постарели вы, мама!.. Как вам жилось тут? Видно, нужду извели!

— Да вот так и жилось: поднимаюсь — плачу и ложусь — плачу, так и жилось мне!

— Я, мама, к вам помирать пришел.

Пригляделась я к нему — горюшко ты мое!.. И молодой, а уже надломленный...

— Сыночек мой, лучше бы мне не дожидаться от тебя таких слов!

И ведь истинная правда была, что он сказал.

Тает и тает мой Василько, словно свечка. Полежал, похворал, а по весне и помер. Да где уж и жить-то ему было! Он и рос так, только для виду, а муштра да походы последнюю силу у него отняли...

— Не затем я на свет родился, мама, чтоб мне на войне людей убивать! — скажет он бывало. — Не для таких, как я, война, да и какой из меня вояка!

Когда уже тяжело заболел, слег, то все бывало думает, и думает, и думает.

— О боже, боже! — заговорит. — Какой же у тебя мир прекрасный! А я-то на свете и не пожил, а я и не научился как надо, ничего и не знаю...

А в последний час проговорил:
— Не жил я, мама, на свете, а только собирался
жить...

Молодого, а как косою скосило... А я вот осталась...

XI

Одна только радость у меня, если мне детки мои
когда приснятся. Но всё снятся они маленькими, а паруб-
ками никогда не приснятся.

И как живые они стоят перед душою моею. Андрийко,
веселый, кудрявый, все вроде по хате бегаёт и шумит, а в
хате светлым-светло! Василько над цветами и травами
сидит, задумался...

Проснусь — пусто! А работа ждёт; надо жить, надо
трудиться, надо горе терпеть...

Живу... Вижу, хата валится; чувствую, что и сама
прахом покрываюсь — как-то дурею, словно туман какой-
то в голове у меня, будто живая в землю ложусь...

